

— Сразу по возвращению из Норильска в Москву я выступил на объединённом семинаре отделов Беньковой и Лобачевского, проходившем под председательством обоих руководителей отделов. Семинар прошёл гладко и даже как-то уныло. Фаткуллин был, но вопросов не задавал, а когда его попросили высказаться, пробормотал что-то невразумительное - мол, диссертацию он не читал, а если по работам судить, то он не поймёт, где там докторская, какие-то разношёрстные работы, какое-то дёрганье параметров... Короче, пожал плечами. Наталья Павловна выступила тоже расплывчато: диссертацию-то она смотрела, но не всю; главным образом, введение и заключение, но вот они-то ей как раз и не понравились, слишком много пунктов, в которых формулируются результаты работы, с некоторыми формулировками она просто не согласна (а с какими именно - не сказала), но, наверное, на секцию работу рекомендовать можно.

— Кроме Фаткуллина и Беньковой на семинаре докторов больше не было, разве что Цедилина, но не помню точно, была она или нет. Раиса Афанасьевна выступила безусловно в поддержку моей работы. Ещё одна из измирановских ветеранов - Белла Соломоновна Шапиро удивила меня своим темпераментным выступлением с нападками на Бенькову и Фаткуллина - как же, мол, так: доктора наук и не могут определённо высказаться о работах, выполненных в сфере их специальности и научных интересов. Если они читают статьи своих коллег, то им диссертация и не должна быть нужна, они и так должны быть в состоянии оценить - докторского ли уровня работы Намгаладзе или нет. А она лично считает, что докторского.

— Столь же определённо высказался и подвёл итог Лобачевский:

— Ну, что ж, товарищи! Мы работы Намгаладзе все давно и хорошо знаем, они безусловно докторского уровня, и мы, я думаю, смело можем рекомендовать его диссертацию для рассмотрения на секции Учёного Совета ИЗМИРАН по ионосфере и распространению радиоволн. Есть возражения? Нет. Как Вы, Наталья Павловна, считаете?

— Секции рекомендовать можно, я уже высказывалась.

— Значит, принимаем такое решение. Против нет? Нет. Воздержавшихся? Тоже нет. Принято единогласно.

— После семинара Лобачевский сказав мне:

— К секции Вы должны обязательно заручиться поддержкой в виде письменного отзыва кого-нибудь из докторов - Беньковой или Иванова-Холодного или Фаткуллина. Лучше всего именно Фаткуллина, чтобы сразу узнать его возражения и нейтрализовать его на ранних этапах.

— Это было то же, что говорили мне и Зевакина, и Данилов с Юдович. Первым делом я пошёл к Беньковой и попросил её высказать свои замечания по введению и заключению диссертации. Она повторила:

— Слишком много мелких пунктов, формулирующих основные результаты. Их - этих основных результатов - должно быть немного, но они должны быть весомыми, внушительными. Главное из того, что сделал диссертант, должно быть сформулировано очень кратко и чётко, тогда это производит впечатление.

— С этим, конечно, нельзя было не согласиться. Тут я, действительно, дал маху: развёз основные результаты на 14 пунктов.

— А кроме того, в некоторых пунктах не звучит новизна лично Ваших достижений. Что значит, например, "разработана постановка задачи физико-математического моделирования ионосферных возмущений"? Разве раньше не было известно, какие уравнения надо решать?

— Здесь я не был согласен с Натальей Павловной, но особенно спорить не стал, ибо сути работы это не касалось. Да и остальные замечания были аналогичного рода и существа сделанного не задевали.

— А не согласились бы Вы, Наталья Павловна, быть оппонентом у меня на защите? -

задал я свой главный вопрос. Наталья Павловна задумалась ненадолго. Я добавил:
— Обязательно нужен один оппонент из членов Учёного Совета, а у нас ионосферщики - Вы, Фаткуллин и Иванов-Холодный.

— Знаете, что, Александр Андреевич, лучше Вам сначала к ним обратиться. Они больше меня в моделировании разбираются. А уж если они по каким-либо причинам не смогут, то тогда я возьмусь.

— Хорошо. Спасибо, Наталья Павловна.

— Итак, хоть так, хоть эдак, надо к Иванову-Холодному и Фаткуллину обращаться. Но у меня всего один экземпляр диссертации. Срочно надо её размножить. Я надеялся сделать это в ИЗМИРАНе через Симакова. Он направил меня к Тетюркину, а тот отказался:

— Нет никакой возможности, ни людей, ни бумаги, с официальными заказами не справляемся. Обратитесь в Институт спектроскопии, там отэривают диссертации по 3 копейки за лист, нелегально, разумеется.

— Так я и поступил, и мне обещали, что сразу после майских праздников будут готовы четыре экземпляра, за что я должен буду заплатить полста рублей. С тем я и отправился домой на майские праздники.

— Приехал в Калининград 27 апреля, пробыв в отъезде 20 дней. Митя за это время поправился и как раз к моему приезду - 25 апреля - его выписали из больницы. Он похудел и совсем не был похож на того толстячка, которого я прочил в будущем в приемники Василия Алексеева - знаменитого штангиста-тяжеловеса. Не полностью ещё восстановился слух, и он часто переспрашивал, когда к нему обращались.

— Дома меня ждало письмо от отца Ианнуария.

Ленинград, 14 апреля 1980 г.

Дорогой Сашок!

— Семестр у меня выдался бешеный. Некогда было передохнуть, так как помимо большой преподавательской нагрузки мне пришлось быть постоянным духовником в нашем храме. Сотни людей, сотни исповедей, голова кругом ...

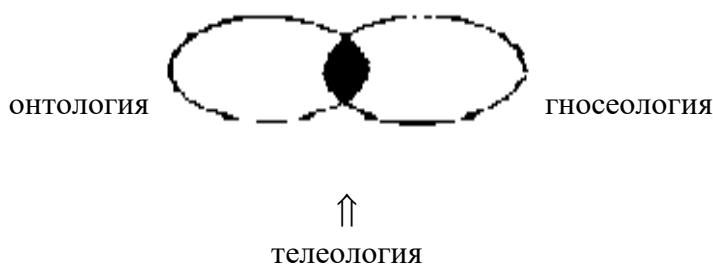
— Наконец, прошла ранняя Пасха. Праздники были блестящими. Обилие нарядной молодёжи, три хора (два мужских и один женский с лучшими солистами города), сверкающие облачения, свечи, прожектора, немыслимое ещё три года тому назад число причастников за Литургией (около 2000, обильный ночной стол для нескольких сот человек, всё это создавало и отражало ту особую праздничную атмосферу, которую люди вне Церкви и культурных традиций не знают, ту атмосферу, которая выражается уже самим наименованием Пасхи как Праздников Праздника Торжества Торжеств.

— "Радостью друг друга обьемем" - поёт Церковь в эту ночь. И все обнимаются, ликуя от действительной радости в этом вихре звуков, в крике, в гомоне. Церковь дарует действительную, невыдуманную радость, которую, если уж её нет, - не выдумаешь и нигде не купишь.

Буквально на другой день после Праздника я был отправлен в командировку в Волгоград - скучный городок, паразитирующий на своём военном прошлом. Сейчас вернулся.

— Недавно я задумывался над частичной неудачей наших прошлогодних обменов письмами и понял, что без опыта в таких делах я взялся за дело не с того конца. Я пытался примирить популярность и онтологию - то есть раздел философии, требующий особого напряжения и строгости. Естественно - споткнулся. Так же получилось бы, если бы мы

принялись за обсуждение гносеологии - второго философского кита. Но есть некая область, общая как теории бытия, так и теории познания, так и фактографии, - это космологическая телеология.

Она не требует строгости, так как не претендует на очень стройную систематичность, здесь не нужно больших усилий, а к цели ведёт так же, как и всё прочее.

— Поскольку у нас через неделю наступает сессия, у меня будет выдаваться иногда свободный часок. Тогда я займусь для тебя записью своих соображений по всяким вопросам, которые обсуждались, но недообсудились. Возможно, я многое буду повторять или писать слишком примитивно, но это не беда.

— Как дела в твоём семействе, на работе?

— Привет Сашуле, целую обоих, Ианнуарий.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)